

18+

Malcom Maroon

ТИХОЕ БЕЗУМИЕ

Сборник рассказов

Malcom Maroon
Тихое безумие.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57438609
ISBN 9785005136251*

Аннотация

«Да, это безумие. Но это тихое безумие. Безумие, не выходящее из этой комнаты, не выходящее из моего сознания. Если вы позволите этому безумию выйти, то у вас его отберут».

Содержание

Убийца	6
Власть	15
Приступ	32
Коллектор	39
Глава 1	39
Глава 2	41
Глава 3	48
Глава 4	54
Глава 5	59
Исследование одного безумия	63
День 1	63
1234567890йцукенгшщзхъфывапролджэячсмитьбю.б7к	
%:?* () -_+ столстол деньДень ДЕНЬ ДЕНЬ,	
День. День: Стол стул, кровать, машинка,	
книга, дверь. Дверь ДВЕРЬ	
День: Библия	68
Паранойя	71
День: безумие	73
Дилемма	75
День: 7	77
День:0	79
Постучи в дверь	80
День:0	81

День:0	82
Вспомни про дверь!	83
Тебе нужно выйти...	84
Как объявить людям что пришёл конец?	85
Война идолов	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Тихое безумие

Сборник рассказов

Malcom Maroon

© Malcom Maroon, 2020

ISBN 978-5-0051-3625-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Убийца

Улицу освещали фонарные столбы. Была небольшая метель, которая порой нарушала покой и небольшими вихрями гуляла по проулкам.

Удар дверного колокольчика вывел, казалось бы, уже последнюю душу из кафе «Ночной Бульвар». Карл, престарелый охранник, который за долгий опыт своей работы был так же назначен вечерним бариста, убрал последние чашки со стола и недоеденный кусок пирога. До закрытия оставалось всего десять минут.

Карл протирал чашки и барную стойку. Как вдруг, тишину нарушил неожиданный звон колокольчика, и метель, которая раньше была еле слышна за окном, пробилась сквозь входную дверь и наполнило помещение шумом и лёгкой прохладой.

Мужчина небольшого роста и крупного телосложения, отряхнулся от снега и зашёл внутрь.

– Мы закрываемся через десять минут, – предупредил Карл, мужчину пока тот ещё не успел добраться до барной стойки.

– Я выпью только кофе, – угрюмо сказал мужчина. У него был жуткий хриплый гонор.

Карл с отчаянием посмотрел на время. Он понимал, что ему придётся задержать закрытие минимум на минут тридцать.

цать. Но делать было нечего. Он не хотел упускать клиента. Да и в последние дни ему стало совсем скучно работать. Он заварил целый кофейник, с запасом на ночь. И налил чашку мужчине.

У него был усталый вид и тяжёлый взгляд. На лице было несколько шрамов и руки были в небольших корявых татуировках. Он медленно потягивал кофе и каждый раз тихо вздыхая, бегал взглядом по барной стойке или оборачивался. В какой то момент он посмотрел прямо в глаза Карлу и тут же его оторвал взгляд и как будто виновато смотрел в чашку с кофе.

Карл налил себе чашку кофе и подошёл с кофейником к мужчине. Он долил ему кофе, тот растерянно на него посмотрел и еле вымолвил:

– У.. У меня...

– За счёт заведения, – оборвал его Карл, и внимательно рассмотрел его лицо. У него был длинный нос, обросший щетиной приподнятый подбородок с ямкой и несколько морщин на висках и под глазами. – Давно откинулся? – спросил его Карл.

Мужчина растерялся пуще прежнего. Снова быстро заглянул Карлу в глаза и тут же оторвал взгляд.

– С чего ты взял что я сидевший? – спросил угрюмо мужчина.

– Я знал много сидевших ребят. Это видно. Если присмотреться.

– И в какой момент ты понял, что я бывалый?

– Практически сразу.

– Здесь можно курить? – спросил мужчина.

– Вообще нет, – ответил Карл. – Но ты можешь закурить.

Кафе уже как двенадцать минут закрыто.

– Так ты охранник здесь? – спросил он и достал сигарету

– По совместительству бариста, – ответил Карл. Мужчина закурил сигарету и протянул одну Карлу. – Я не курю, – ответил ему Карл.

– А зря, – сказал мужчина. – Жизнь короткая штука.

– Так зачем её укорачивать?

– Смысл не в здоровье, – ответил мужчина. – Смысл в удовольствии. Порой я был готов отдать печень за одну сигарету. Слышь, а у вас тут подработки не найдётся?

– Я об этом спрошу.

– Ты спроси. Я готов на любую работу.

Они замолчали. Карл понимал, что вряд ли их работодатель возьмёт на работу бывшего уголовника. Ему стало немного тоскливо, от того что он попусту обнадёжил бедного парня.

– Сколько ты отсидел? – неожиданно спросил Карл. Мужчина с подозрением посмотрел на Карла, он затушил сигарету о блюдце для чашки и ответил.

– Последний срок был двенадцать лет.

– Так ты убийца?

– С чего ты взял? – Спросил мужчина с ещё большим по-

дозрением.

– Ну на коррупционного мошенника ты не сильно похож.

– Люди обычно боятся когда узнают, за что я сел.

– Я в жизни много чего боюсь, – сказал Карл подливая кофе. – Но уж точно не людей.

– Интересный ты старик.

– Так как же ты до этого докатился?

Мужчина перевёл дыхание. Ему был в тягость этот разговор. Часы медленно тикали на стене, а аромат кофе и сигарет успокаивал его всё больше и больше.

– Первый раз залетел на пять лет когда убил пацана, ещё в школе. Хотели дать семь, но вышел по УДО. Провёл год на гражданке, но вдруг понял что мне здесь нет места.

– Почему же это?

– Тюрьма она... Она людей не исправляет, понимаешь?

– Не совсем.

– Ну она... Делает их как бы другими. Меняет их жизнь и правила. И тебе уже нигде нет места кроме как там... В тюрьме.

– И что же ты сделал, чтоб вернуться обратно?

– Вооруженное нападение.

Карл разочарованно посмотрел на него и покачал головой.

– Я понимаю, что ты думаешь, – сказал мужчина. – Но я по другому не мог. Здесь, на воле. Ты либо срываешь куш и доживаешь в счастье остаток жизни, либо возвращаешься обратно. Это не понять людям не имевшим такую участь.

– Почему же нельзя просто стать частью общества и продолжить спокойно жить?

– Я же говорю, ты не поймёшь. Все эти взгляды прохожих. Думаешь ты один догадался, что я сидевший? Нет... Они все знают и все боятся. Считают меня за зверя. За собаку, которую надо загнать в клетку с другими собаками. Вся эта система и просто зоопарк. Они считают, что если будут запирают таких как я, то мы чему то научимся, усвоим какую-то мораль. Но как бы не так... Нет... Всё с точности до наоборот. Там ты теряешь всё, абсолютно всё и ничего ты уже не исправишь. Я лично осознал всё ещё в зале суда. На как только зашёл в камеру, потерял и это. Теперь уже нельзя стать кем-то.

– А ты докажи им обратное.

– Как?

– Найди работу. Выучись. Заведи семью.

– Я же говорю ты не поймёшь. Не для меня теперь всё это. Это для других... Кому повезло больше. Вот так вы все живёте и не цените всё это.

– А что нам ценить?

Он достал сигарету из пачки и закурил.

– Да хотя бы вот это, – ответил мужчина. – У вас есть возможность курить когда вам захочется. В любую секунду вы можете купить пачку сигарет или даже попросить у кого то. Закурить и выпить кофе. Что может быть лучше? Но вместо этого вы часами занимаетесь спортом, едите веганскую еду

и пьёте чай.

– К хорошему привыкаешь и оно становится противным. Думаешь мы занимаемся спортом для удовольствия?

– А для чего же тогда?

– Мы хотим продлить жизнь, чтобы больше можно было себе в этой жизни позволить.

– А какой смысл? Ну продлишь ты себе жизнь? А для чего? Для того что бы заниматься спортом и дальше? Где здесь логика?

– Если бы всё в мире было логично. Ты бы сейчас здесь не сидел.

Мужчина усмехнулся и сказал:

– Это ты в точку.

Мужчина потушил ещё одну сигарету и Карл тут же подлил кофе.

– Что ты почувствовал, когда убил человека? – Спросил Карл.

Мужчина косо посмотрел и кажется немного обозлился.

– О таком неприлично спрашивать, – сказал он.

– Если не хочешь – не отвечай.

– А тебе вправду интересно?

– Ну я же спросил.

– Что ж... Поначалу ты чувствуешь животное превосходство. Ты ощущаешь себя хищником показавшим свою природу. Но затем... Затем приходит осознание. Ты понимаешь что вся жизнь человека, от момента его рождения, по-

целуя его матери, первых шагов, гордости за первую пятёрку в школе, первый поцелуй, – он перевёл дыхание, – все его победы, все его поражения, всё это вело его к тому, что ты его прикончил. Тогда ты понимаешь, что ты совершил преступление не только против него: ты разрушил все старания вложенные в него, разрушил материнские слёзы, наставления отца, разрушил его будущую и настоящую семью. Ты понимаешь, что совершил преступление перед обществом, убил его строевую единицу и теперь, ты не можешь быть частью этого общества.

И если углубляться, а этим только и занимаются в тюрьме, то осознаёшь, что миллионы лет эволюции привели его к этому моменту. То, что принято считать чудом, верхом эволюционного развития, то, что мы называем человеком, так легко умирает и обесценивается от твоих действий. В этот момент ты понимаешь, что ты совершил преступление не только против человека, общества или Бога. Ты осознаёшь, что совершил преступление против природы, а природа, увы, не прощает. И ты больше не имеешь права зваться – человеком...

Карл растерялся. Он вдруг осознал, что перед ним действительно сидит не человек. Но он не мог понять, кто же тогда? Что за существо? От его раздумий повисло молчание, оно продлилось недолго, но для них как будто вечность. И теперь, Карл понял, почему не принято о таком спрашивать.

– Так что же ты будешь делать? – спросил Карл.

– Может найду работу... Может вернусь обратно...

– Подумай получше. Оно тебе надо?

– Порой по другому нельзя. Вот у тебя есть семья? – Спросил мужчина.

– Была дочь. Но она погибла. А внучка живёт с моим за-тем. Я уже её пять лет не видел.

– Несправедливо это.

– Да нет, справедливо. Я много глупостей наделал за всю жизнь.

– Вот видишь. Если тебе тяжело живется. То мне уж по-давно.

– Ну моя жизнь подходит к концу. А ты ещё многое смо-жешь исправить.

– Нет... – Грустно сказал мужчина. – Это тебе не кнопку нажать.

Он кинул доллар на стол и медленно пошёл к выходу.

– Всё в твоих руках, слышишь!?! – Крикнул ему вдогонку Карл.

– Да старик... – Сказал про себя мужчина. – Слышу.

* * *

– Есть видео с камер наблюдения?

– Да. Этот зверюга залетел и без предупреждения сделал три выстрела.

– Бедный старикашка. У него хоть семья есть?

– Дочь погибла. А остальных мы ищем.

– Как думаешь, кто это был?

– Я думаю это был Карл. Это даже видно на камерах.

– Урод... Он же только недавно вышел. У него же скоро ребёнок родится.

– Мы отдадим видео на экспертизу. Но патруль за ним мы уже выслали.

– Хорошо. Уносите тело...

Власть

– Знаете что объединяет все мировые кризисы, Александр? – Спросил Виктор

– Даже не догадываюсь, – ответил Александр.

– Почти все они произошли в США и по вине США, – с ухмылкой ответил Виктор.

– Удивительно, – равнодушно произнёс Александр.

– А ещё то: что политики редко страдают в таких ситуациях.

– И на что вы намекаете?

– На то, что это лучшая работа.

– Это довольно... Грязная работа.

– Да! – Громко воскликнул Виктор. – И как любая грязная работа, она хорошо оплачивается.

– И она всё равно остаётся грязной.

– Я смотрю на это как на плюс. О нашей работе не принято говорить за обеденным столом, что делает наши действия более незаметными. Удивительный парадокс, все молчат о том, что только и требует обсуждения, и более, суть этого, и есть обсуждение.

Они замолчали. Единственное напоминание о звуке, были тихие удары секундной стрелки исходящие от часов, висевших на стене.

– А как же совесть? – Спросил Александр.

Виктор рассмеялся. И как только понял, что Александр действительно ждёт ответа спросил:

– Знаете чем наш грязный труд схож от труда, к примеру, в шахте?

– Чем же?

– Так же как и мышцы рабочих привыкают к труду, так и наша совесть к несправедливости.

– В прошлый раз вы сравнивали наше дело с искусством. А теперь сравниваете с грязной работой. Что дальше? Олимпийские виды спорта?

– Ну искусство, своего рода, тоже работа. Кто-то ночами напролёт пишет стихи, кто-то лепит скульптуры, кто-то рисует акварелью...

– А кто то рисует кровью...

Они замолчали и обменялись томными взглядами.

– Что ж, – вымолвил вдруг Виктор. – Разговор зашёл в тупик. Я уже всё сделал. Деньги переведены на ваш счёт.

Александр грустно вздохнул и без малейших эмоций, встал и вышел даже не попрощавшись.

Он сел в свою дорогую машину, сказал водителю ехать домой и медленно стал всматриваться в детали города.

На улицах не было света, всё было в глубоком полумраке, люди бездушно бродили по тротуарам даже не замечая друг друга. Кто-то продавали овощи и цветы возле тротуаров, а кто то просил милостыню. И эта картина непрерывным движением, через все светофоры, пролегла до его огром-

ной квартиры. Охрана его проводила внутрь, убедилась в его безопасности и заняла свои посты на угловых частях дома.

Александр набрал номер:

– Можешь подъехать? Мне нужно срочно поговорить.

– А что случилось? Ты дома?

– Да, – ответил Александр. – Это срочно.

Он приехал через пару часов, с перегаром и немного шатаясь.

– Я же просил срочно, – сказал Александр.

– Друг! Я спешил как мог.

– Пойдём прогуляемся.

– Зачем?! Тут вроде не плохо. Ты себе ещё этаж добавил?

– Какая разница. Пошли прогуляемся.

– Да что случилось то?

– Я хочу выйти из игры.

– Что?! – Он резко протрезвел. – Ладно, идём...

Они вышли через чёрный вход, что бы избежать охраны, пробежались по набережной и повернули на мост, там они остановились и стали молча смотреть как бежит река.

– Так почему же ты хочешь уйти? – уже трезво спросил он Александра.

– Знаешь... – Начал Александр. – Я ведь из детдома вылез.

– Я знаю тебя только с девяностых... Сколько лет минуло... Мы буквально войну пережили. Вначале контрабанды, затем бизнес, теперь вот, эта политика.

– Я уже устал от всего этого.

– Слушай, – сказал он успокаивающе. – У тебя же прекрасная жизнь, много денег, машины, ты можешь делать что хочешь.

– Разве в этом смысл?

– Если ты про свою жену, то не переживай. Найдём мы её... И ребёнка найдём. Не смогут они долго в Европе прятаться.

– А как я им в глаза смотреть буду? Они знают кто я и что я сделал... Все знают...

– Да и пусть себе знают. Мы всем кому надо рты позакрываем.

– И зачем это всё? – спросил Александр. – У нас столько возможностей. Мы могли бы столько всего изменить. Ты оглянись вокруг, – они оба повернулись и огляделись. – Как тебе это нравится? А? Здесь жить невозможно.

– Да что мы можем сделать? – возразил он. – Когда надо было надавить мы прогнулись. А теперь уж извини... Ничего уже не исправишь. Мы завели это колесо. Нам в нём теперь и крутится...

– А почему не остановить?

– Остановить?! – усмехнулся он. – С него можно только вылететь. Да и то, вперёд ногами. Можешь даже не мечтать об этом. Да и зачем тебе вообще выходить.

– Устал я...

Александр вернулся домой, в тихую пустую и одинокую

квартиру. Он скучал по жене, скучал по сыну и только вспоминал те грустные моменты когда не ценил их присутствие. Ему вспомнился детдом, те дни когда он был так же одинок без своей семьи. Позади детдома было небольшое озеро, куда он сбегал от своего одиночества, чтобы порыбачить или покормить уток. В шестнадцать лет ему стало тесно в стенах детдома и он сбежал и никогда не возвращался. Ему было стыдно. Он одновременно и ненавидел и ценил это место. Встав у власти, он переписал детдом себе и регулярно слал туда деньги. Место там ожило, но он по-прежнему не побывал там ни разу.

Следующий месяц работы прошёл для него ещё более болезненно. Из-за своего пессимизма в работе он стал замечать всё, что не замечал раньше. Он начал видеть людей, видеть несправедливость которая, казалось, была везде. Была в стенах зданий, в больницах, в машинах и даже в людях. Его мгновенно стало тошнить от всего вокруг, тошнить от денег на счету. Он не мог есть, он не мог даже купить себе еду, на эти грязные деньги. Во всём, что происходило вокруг он винил себя. Он полностью поник, похудел, побледнел. Все вокруг волновались за него.

А деньги всё приплывали к нему. Он не мог от них избавиться, они стали для него тяжким грузом. Он пытался куда то вложить их, но всё безуспешно, каждый раз они были разворованы, такими же как и он подлецами.

– Я тут был у Виктора, – сказал его друг, в обычный ра-

бочий день. – Это тебе принадлежит детдом на окраине?

– Да, – вяло сказал Александр.

– Мне нужно чтоб ты отдал его мне.

– Ни за что. Это детдом в котором я родился.

– Ну так это не моя просьба. Это приказ начальства.

– И зачем им этот детдом?

– Хотят сделать ремонт, может что-то пристроить.

– Тридцать лет на него не выделяли деньги. Я своими силами там всё обустроивал.

– Ну вот, а теперь хотят выделить. Ну так что? По рукам?

– Без бумаг я тебе ничего не отдам, – сказал Александр. –

Где приказ?

– Завтра будет у тебя на столе.

Приказ к нему пришёл. И действительно, согласно какой-то статье, надо было провести ремонты всех детских домов в округе. Александра это порадовало, он без зазрения совести всё подписал и отдал секретарше.

Через пару недель в руки Александру попала газета местного оппозиционного издательства. Он был не на шутку ошарашен. Там были вскрыты вся подноготная его друзей и его самого. Конечно, все детали не раскрыты, но работа была проделана явно хорошая. Редактор постарался на славу. Вечером, этого же дня к нему снова заявился его товарищ.

– Ты читал эту ересь? – Спросил он, держа газету, которую Александр прочёл ещё днём.

– Ну... – Задумался Александр. – По большей части это

правда.

– Да кого здесь правда волнует!?! Он ведь всё вскрыл!

– Не вечно же это держалось бы в тайне, – подметил Александр. – Рано или поздно, кто-то бы это сделал.

– Я надеялся, что этого не увижу! Ну... Ничего, ничего... Сейчас пару заявлений за клевету, подписку о невыезде. Мы рты закрывали и не таким...

Александр на секунду оцепенел:

– Зачем же так?.. – Вымолвил он.

– А как иначе!?! Хочешь чтобы каждый знал, что мы из себя представляем?

– А почему нет?

– Почему!?! – Его переполняло от злости. – Людям нельзя знать правду! Жили же как-то без неё, сотни лет! И ещё проживут! – Он кинул газету на стол. – Это в их крови... Чем меньше знают, тем крепче спят... – Он развернулся и вышел из кабинета Александра.

В следующие недели было всё как он и сказал. Возбудили уголовное дело, назначили дату суда. Вскрыли имя редактора, а вместе с ним приписали ему всё, что он когда то делал и даже то, что никогда не делал. Народ разделился на два лагеря: одни их ненавидели, другие стали ещё яростнее защищать. В любом случае, редакция доживала свои последние дни. Они выпустили свой «последний номер», который сразу же попал к Александру на стол. Там они в отчаянной попытке, старались оправдать себя и ещё раз показать мерзкое

лицо власти. Разоблачение власти уже не занимало отдельный блок, а расстелилось на всю газету. Там было расписано всё: от очевидной коррупции, до разврата и даже убийств, давно забытых, таких же оппозиционеров. Даже была статья про то как он лишился жены с ребёнком, и как теперь они прячутся от него где-то в Европе.

Александра это не хило впечатлило. Он поражался их смелости, и не завидовал их судьбе. Он читал восхваляя, пока не наткнулся на одну статью. Она начиналась с заголовком: «И у детей, отобрали». В ней гласило, что детдом, который Александр переписал своему другу, теперь является: «частными владениями» и стал якобы, чей-то дачей. Он вначале не поверил этому, даже не на шутку разозлился. Но решил убедиться сам. Он взял всю свою охрану и отправился в редакцию.

– Что? Пришли добить!?! – Смело заявил редактор.

– Хочу чтоб вы объяснили мне эту статью, – угрюмо сказал Александр.

Редактор с возмущением взял газету и глянул, будто с высока, на статью.

– А что тут объяснять? Ваши дружки всё разворовали, детей сослали, а теперь там проживает частное лицо.

– Кто!?

– Этого я знать не могу. Мы знаете ли, уже закрывается, – рывкнул редактор. – Не без вашей помощи.

Александр сел в машину и на всех парах помчался в дет-

дом. Его там встретила охрана.

– Чьи это владения!?! – Прикрикнул Александр.

– Мы не имеем права, разглашать такую информацию, – сказал охранник.

– Пропусти меня, – приказал Александр. – Живее!

Охранник набрал номер хозяина, затем дал добро на проезд.

Александр прошёл по бывало знакомым коридорам где вёлся жесточайший ремонт. На последнем этаже, который был уже обустроен, ждал его друг.

– Друг! – воскликнул он. – Какими судьбами?!

– Так это ты... – растерялся Александр. – Ты тут живёшь?!

– Да списал его у... У... У тебя же его и списал!

– Так ты ещё и забыл...

– Слушай, да какая разница кому это поместье принадлежит. Хочешь я тебе два таких отдам, или верну тебе этот? Ремонт только тут закончат...

– Это же был бывшей детдом...

– Разве? – Спросил он и задумался. – Да кому какая разница, что здесь когда-то было. Ты посмотри какая красота, – сказал он и повёл Александра на балкон.

Александр увидел озеро, на котором раньше проводил каждый свой день. Оно было, такое же как он его запомнил, такое же прекрасное, такое же уютное. Он глядел на него и совсем забыл про своего друга, который вёл ускоренный монолог.

Переполненный злостью Александр вдруг вымолвил:

– Это не твоё озеро...

– Как не моё? – С улыбкой ответил его друг. – По документам моё. Значит моё.

– Оно детям принадлежит...

– Ну может когда-то и да, но...

Александр резко развернулся и стал идти к выходу.

– Эй... – Слышалось ему в след. – Ты куда!?

Александр выскочил на улицу и сел в машину. Он поехал в редакцию.

– Ну что ещё!?! – Недовольно с порога встретил его редактор.

– Я хочу вам помочь, – резко ответил Александр и присел на казалось бы единственный стул в кабинете. – Я хочу чтоб вы вскрыли всю правду, подняли народ.

– Если хотите меня использовать против каких-то своих дружков...

– Нет, нет, – перебил его Александр. – Пишите что угодно. Я дам вам компромат, на себя и на своих друзей. Подумайте только... Реальные документы, никаких догадок.

Редактор был не на шутку удивлён, но мгновеньем позже, собравшись с мыслями спокойно сказал.

– Не знаю, зачем вам это надо? – С сомнением вымолвил он. – Но в этом всё равно нет никакого смысла. Нас лишили финансирования, лишили лицензии, завели на нас дело. Мы банкроты! И скоро окажемся за решёткой.

– С тем что я вам дам, нет!

– Но почему бы вам самим не пойти в суд?

– Суд!?! – Со смехом сказал Александр. – Я думал вы давно поняли. У нас в стране нет правосудия. Вы и моргнуть не успеете, как проиграете это дело. Все судьи и присяжные давно куплены.

– Но как же... В чём тогда... – растерялся редактор.

– У вас будет единственный шанс победить, если вы согласитесь на мои условия. Вам надо поднять народ с места. Вскрыть все дела, нанять хороших адвокатов...

– Но у нас нет денег – перебил его редактор.

– Я вам дам. Дам внушительную сумму.

– Ну... – подумал редактор. – Видимо мне больше ничего не остаётся как согласиться с вами.

Они пожали друг другу руки и разошлись. В тот же день, Александр передал всё необходимое редактору.

Александр ликовал. Впервые у него появилось надежда на светлое будущее. Он уже представил как к нему возвращается жена, как он достойно смотрит в глаза сыну. Впервые за долгое время он не тосковал по ним.

На следующий день, Александр, в таком же настроении поехал на работу. Мир вокруг него никак не изменился, всё те же угрюмые люди в сером, полном сырости городе. Но сейчас, впервые, в этом полумраке, он увидел надежду.

В офисе его ждал его друг со своей охраной. Ликование Александра тут же пропало и он почувствовал неладное.

– Что здесь происходит? – Резко Спросил Александр.

– У меня для тебя радостная новость, – сказал с улыбкой его друг.

– Какая?

– Ты присаживайся, не стой.

Александр сел и сразу же переспросил:

– Так какая же?

– Мы посадили того редактора!

– То есть... – Александр растерялся. Его друг стал ждать от него, такое же ликование, какое он испытывал сам, но Александр не ответил взаимностью. – Как ты его посадил?

– Мы поймали его на границе, с сумкой, незарегистрированных денег. Пытался дать взятку, чтоб сбежать.

– Но...

– Я знаю, – оборвал его друг. – Это ты хорошо придумал, дать ему столько денег. Он уже во всём сознался, сразу заложил тебя. Но ты не волнуйся. Мы оформили всё это как спецоперацию, а деньги уже вернули тебе на счёт. Ты хорошо нам сэкономил время. Теперь о нём позаботятся в тюрьме. Ему уже на допросе выбили пять зубов и теперь никто не доверяет этому жалкому редактору, – с ухмылкой добавил он. – О тебе мы даже написали сегодня в газете. Ты на обложке! – Он дал ему газету.

Александр, уже почти не слушая своего друга безжизненно посмотрел на газету. На первой странице была его фотография, а в заголовки было написано: «Герой Дня!». Алек-

сандр так же безжизненно, положил газету на стол.

– Что с тобой, – спросил его друг. – Заболел что ли?

– Да... – Вяло вырвалось у Александра.

– Ну думаю это тебя взбодрит, – сказал он и положил на стол маленький клочок бумажки, на котором был написан, номер.

– Что это? – Спросил Александр.

– Номер твоей жены, – ликуя сказал его друг. – Мы ещё нашли её адрес, думали уже выслать отряд, но решили пока подождать. Ну что скажешь?

Александр на миг обрадовался, но после, всё обдумал и так же аморфно ответил:

– Я сам разберусь...

– Ну как знаешь, – сказал его друг, пожал ему руку и вышел вон.

Александр взял, машину, освободил охрану и уехал. Он остановился в пригородном баре и заказал себе выпить. Около часа он тёр номер в руках, всё не решаясь его набрать. Он скучал по семье. Но какой от неё был смысл в этой стране. Его сын не должен был расти в этом ужасе. С этими серыми людьми, в этом сыром городе. Он желал им всего самого лучшего, но ничего не мог им дать, кроме жалких, грязных денег.

Изрядно напившись, он всё же решил ей позвонить:

– Алло, – сказала она. – Кто это?

– Это я, – грустно произнёс он.

– Как ты нашёл этот номер!?! – Тут же взъелась она.

– Не важно, – спокойно ответил он. – Я скучаю по вам...

Прошу... Вернитесь.

– Нет! – отрезала она. – Ни за что! Мой сын не будет расти под присмотром такого ужасного человека! В этом ужасном доме!

– Он и мой сын тоже... Прошу... Я куплю нам новый дом, если тебе тот не нравится, я сделаю всё что ты только попросишь! Мы можем уехать!

– Только не с тобой! – Добавила она.

– Ну что мне сделать? – Уже рыдая вымаливал, он у нее. – Что мне сделать?.. Как исправиться?..

– Уже ничего не исправишь... – Грустно ответила она. – Это уже невозможно, – добавила она и бросила трубку.

– Нет... Нет... – бормотал он в бездушный телефон. – Как мне исправить?.. Как?..

Он заливал душу алкоголем и в слезах всё продолжал бормотать, всё одни и те же фразы: «Как мне всё исправить?», «Как искупить свою вину?»...

После вечерней смены, с завода, который был неподалёку пришли рабочие. Они зашли в бар, заказали себе обычное меню, из алкоголя и закуски, и вскоре заметили бормочущего Александра в углу бара. По началу они перешёптывались и посмеивались, думали что он сошёл с ума, пока один не вскрикнул:

– Это же тот чиновник из сегодняшней газеты!

– Точно, – подхватил другой. – Это тот: «герой дня»!

Они встали и дружной компанией двинулись к нему. Один выступил вперёд и сел за столик к Александру.

– Чего расселся тут? – Спросил рабочий сидевший напротив. А другие перемывали ему кости стоя вокруг стола.

– Как мне всё исправить?.. Как мне исправится?.. – В слезах бормотал Александр, не поднимая головы и казалось бы не замечая никого вокруг.

– Что ты там бормочешь!?

– Как мне всё исправить? – Чуть громче повторил Александр.

Рабочие громко рассмеялись.

– Хочешь знать как всё исправить? – Спросил его рабочий.

Александр в слезах кивнул, всё так же не поднимая головы.

– Для начала верни деньги, – заявил рабочий.

Александр стал выкладывать всё содержимое карманов на стол, бумажник, карты, телефон и даже записку. с номером, которую скоро хотел перехватить обратно. Но рабочий ему не дал этого сделать выхватив первым.

– А это что такое? – Спросил он.

– Отдайте, – сказал он и встал из-за стола.

Рабочий смял бумажку и кинул в стакан виски, стоявший на столе Александра. Он тут же достал её и положил себе в карман.

– Думаешь нас купить!?! – Крикнул рабочий.

– Я вам могу всё отдать...

– Этого не хватит, мразь... Ты нам жизни должен! – Крикнул он и все тут же его поддержали.

– Я... – Хотел было оправдать себя Александр, но тут кто-то нанёс ему пару ударов и вся толпа начала делать так же.

– Только не здесь! – Крикнул бармен.

Они тут же подхватили Александра и выкинули на улицу. Александр пользуясь моментом побежал к машине. Ключи были в зажигании. Он запер двери. Ему сломали зеркало заднего вида и успели оставить пару вмятин.

Он ехал по трассе в полном опьянении. В голове крутилась всё та же мысль: «Как мне исправится?», «Как искупить свою вину?».

Он ехал быстро, и ехал долго, даже не понимая куда он едет. Машины пролетали с высокой скоростью. Он даже словил себя на мысли, что наконец-то он отсюда уедет.

Как вдруг, не с того ни с сего он увидел вдалеке бабушку, которая среди молниеносных машин не могла перейти дорогу и растерянно глядела вокруг. Александр вдруг осознал: «Вот оно».

Он нажал на тормоза и поднял ручник. Машина встала как камень. Затем он начал сдавать назад, как вдруг, произошёл удар... Визг колёс... Стёкла и кровь по всей дороге...

Александра спасли подушки безопасности, но он всё равно сломал себе руку.

Он выполз из машины, кое как встал на ноги, посмотрел на весь этот ужас, что творился на дороге и хромая, всё ещё не осознавая, что произошло, подошёл к бабушке и медленно перевёл её через дорогу.

* * *

– Ужасная авария...

– Такие тут происходят чуть были не каждый день. Завтра куча волокиты будет с бумагами.

– А много пострадавших.

– В машине была молодая семья. Женщина с ребёнком погибли сразу, а мужчина в реанимации, борется за жизнь.

– А с виновником что?

– Выяснилось, что он чиновник, к вечеру будет на каких-то островах...

Приступ

Поезд начал своё движение. В последнем вагоне сидели только они вдвоём.

– День начался не очень, верно?

– Это ещё мягко сказано.

– Ничего. После нашего дела, съедим по бургеру.

– Знаю я из чего делают твои бургеры, пожалуй откажусь.

Да и как у тебя вообще аппетит появляется после того, что мы делаем?

– Ну во первых – я занимаюсь этим уже давно. А во вторых – бургеры, это не просто еда, это философия.

– Что за бред ты несёшь?

– Это не бред. Ты просто вдумайся. Они ведь все разные, как люди, они все неповторимые, в них множество ингредиентов.

– Ты сравниваешь бургеры с людьми?

– Почему нет?

– Ты идиот...

– Почему это?

– Если бургеры это люди? – спросил он и закурил сигарету. – То повара которые их готовят – это боги?

– Нет. Повара – это инструменты.

– Поясни.

– Ну как эволюция – это инструмент бога для создания

людей.

– Какая дерзкая мысль. Тебе не кажется что ты пытаешься усидеть на двух стульях?

Поезд остановился на станции. После десяти минут молчания, они поехали дальше.

– Почему ты считаешь, что эта мысль – дерзкая?

– Эволюция – естественный, независимый процесс. И бог, если верить библии, был естественным и самостоятельным процессом. Говорить о том, что одно создало другое, абсолютно бессмысленно.

– А во что веришь ты?

– В эволюцию.

– Почему это?

– Это более новая и аргументированная жизненная теория.

– Ты просто веришь в это, потому что сейчас так модно.

– А ты вообще веришь не понятно во что!

– Ну за то у меня есть собственное мнение.

– Если моё мнение совпадает с чьим-то другим, это ещё не значит, что оно от чего-то зависит. А если ты веришь в какие то глупости, лишь бы не поддаваться общественному мнению, то ты ещё глупее чем это общество.

– Что такого в моей теории?

– Ну если бог создал эволюцию, то почему тогда это не описано в библии? Там же написано, что он просто создал человека по своему подобию.

– Да, но не написано как он его создал. Да и библия – это всего лишь бестолковая книжёнка, написанная людьми, с богом у неё нет ничего общего.

– То есть ты ещё и в библию не веришь?

– На данный момент она абсолютно не актуальна.

– То есть как это?

– Ну может если и раньше она имела хоть какую-то связь с богом, то сейчас, ни капли. Бог давно эволюционировал.

– Это ещё бредовее. Твоя вера просто бессмысленна. Да и как ты вообще можешь рассуждать о боге, при своей то работе?

– Я же говорю, бог эволюционировал, теперь моя работа не так уж и ужасна.

Поезд снова остановился. В вагон зашёл молодой парень, посмотрел на них, немного замешкался и вышел в другой вагон.

– А с чем бы ты сравнил человека?

– С сигаретами. – ответил он и зажёл ещё одну сигарету.

– Почему?

– Они вредные, но избавиться от них нельзя. С ними вроде легче, но они высасывают из тебя жизнь.

– Высасывают жизнь?

– Они из всего высасывают жизнь. Питаются друг другом, питаются этой планетой, это наркотик с которым, если свяжешься, то он медленно начнёт тебя убивать и ты даже не заметишь как окажешься в могиле.

– Я ты в этой ситуации кто?

– Я тот кто старается сделать мир чище, но при этом, являясь неотъемлемой его частью. Я раковая опухоль, раковой опухоли.

– С бургерами проще.

– А кто ты тогда в своей теории? Бургер пожирающий бургеры?

– Возможно. Но согласишься, в моём случае это приятнее.

– Но так же вредно.

– Тогда наши теории не такие уж и разные.

– Все теории одинаковые, разные лишь их условия.

Но шаблон один и тот же: кто-то создал человека, кто-то пришёл на землю и про этого «кого-то» рассказал и теперь всем обязательно надо в него верить иначе попадёшь куда-то, где ещё ужаснее чем здесь.

– Тяжело не согласиться. Но всё же ты мизантроп и сильно усугубляешь эту ситуацию.

– Мне кажется ты иногда не понимаешь чем ты занимаешься. Мы с тобой оба мизантропы.

– О, нет. Ты занимаешься этим потому что ненавидишь людей.

– А ты их значит любишь?

– Не всех конечно.

– Значит только тех кто попадает под твою работу.

– Верно.

– И чем же тогда мы отличаемся?

– Тем что ты будешь этим заниматься независимо от того, кто этот человек. А я за это не возьмусь, если оно того не стоит.

Поезд снова остановился, рупор прокричал название станции. Из соседнего вагона вышла уборщица.

– Вы на какой станции выходите? – Спросила она.

– Нам на конечной.

– Ладно... – Пробормотала она и вышла из вагона.

Поезд начал движение.

– Вот смотри, – продолжали они разговор. – Ты венец творения божьего...

– Я венец творения эволюции, которую создал бог, это другое.

– Ну пусть так. Ты творение эволюции. Высшая точка пищевой цепи. Тебе не надоело жить в этой системе?

– Сложный вопрос. Но всё же думаю, нет... Я живу спокойно, плачу налоги. Отдаю все долги государству.

– Вот это вот мне и не нравится. Мы родились, чтобы быть свободными, чтобы творить что-то новое, становиться лучше. А мы всю жизнь... Жарим бургеры...

– В этом тоже нет ничего плохого.

– Я и не говорю, что это плохо. Но разве не лучше послать все правила куда подальше и жить ради высшей цели?

– А что есть высшая цель?

– Свобода. Мир. Самосовершенствование. Искусство.

– Кто тебе мешает этим заниматься?

– Все.

– А как я тебе мешаю?

– Ты служишь системе, как и все остальные, а система нужна лишь чтобы ограничить мою свободу.

– Ну свобода понятие растяжимое. Как и высшая цель.

– И всё же я лучше буду биться за свою свободу, чем за такую жизнь как у тебя.

– Борьба против системы, лишь порождает новую систему. Борьба даже в каком-то роде, тоже часть системы.

– Разумно. Только вот ни система, ни её оппозиция, не принимают такую идею.

– А как же третьи?

– А кто третьи?

– Анархисты например.

– Ну это по моей части. Они скорее тоже инструмент.

– Чей инструмент?

– Иногда оппозиции, иногда власти. Это не важно.

– Значит третьего нет...

– Нет и не было.

Поезд сделал ещё одну остановку.

– Мы уже на подходе.

– Да, это предпоследняя.

– Волнуешься?

– Ни капли.

– Мы так и не решили кто всё это закончит.

– А какая разница?

– Ну тебе же важно какой это человек.

– Верно. Но если я позволю тебе это сделать над доброй душой, я ничем не хуже тебя.

– Значит мы оба едем за негодяем?

– Не нам его судить.

– Я конечно не бог, но сегодня, судить его именно нам. Да а как вообще работает твоя теория? Если он окажется хорошим? Ты не закончишь дело?

– Пути господня неиспо...

– Да, да! Неисповедимы! Боже не неси эту чушь! Ты делаешь это или нет?

– Это в любом случае сделаешь ты.

– А ты мне это позволишь это сделать?

– Я скорее просто не смогу тебя остановить. Но если он будет, настолько ужасен как я думаю. Это сделаю я.

– Ты ещё глупее, чем я думал.

– Как и всё вокруг.

– Логично...

– Мы уже подъезжаем.

– Ты готов?

– Готов.

Поезд, совершил свою остановку.

Коллектор

Глава 1

Мой первый рабочий день начался сумбурно. Меня кидали из кабинета в кабинет, где я подписывал различные бумаги, которые накидывали на меня ещё больше обязательств, прав и норм, которых я должен был соблюдать. Но в целом мне было параллельно, деваться было некуда, работа хоть не из приятных, но зато самая востребованная. В последнем кабинете, я подписал ещё несколько бумаг, после чего мне выдали форму и указали на раздевалку. По сути форма состояла только из комбинезона работника банка (в таких ещё расхаживали, курьеры, инкассаторы и ремонтники), кепки и неудобных сапог.

Когда я снова направился в холл, мне сразу же указали на служебную дверь, за которой скрывалась ещё одна раздевалка с шкафчиками, в них были небольшие раскладные дубинки. По номеру своего комбинезона, я нашёл свой шкафчик, который был объединен с другим.

– Явился наконец, – вдруг кто-то заговорил позади меня. – Мне ещё утром объявили, что приставят напарника, решил тебя дождаться.

Это был здоровый мужчина, с газетой, на вид лет пятидесяти.

сяти. Он сидел в углу, и не удивительно, что я его не заметил.

– Эта бухгалтерия меня полностью измотала, – сказал я в своё оправдание.

– Понимаю, – усмешливо сказал он. – Бери всё что нужно и пошли. Мы и так уже опаздываем.

Я взял дубинку и направился вместе со своим новым напарником в холл. Он подошёл к одному из администраторов, взял у неё какие-то бумаги и мы вышли из банка.

– И долго ты здесь работаешь? – спросил я, в надежде завязать дружеский разговор.

– Уже как десять лет, – вдруг он остановился и резко повернулся ко мне и угрюмо задал вопрос. – У тебя есть серьёзные кредиты или задолженности?

– Нет, – резко ответил я. – Только еда и вода.

– У твоих родителей или близких родственников?

– У отца как-то был, но мы отделались только потерей дома, и парой зубов отца.

– Повезло, – сказал он и мы продолжили движение как ни в чём не бывало. – Твой отец ещё легко отделался. Сейчас такой бывает редко.

– Это да, – растерянно подтвердил я. – В чём суть нашей работы?

– Тебе разве не объяснили?

– Нет.

– Ладно, по ходу дела разберемся. Первый на очереди, некий господин Альберт. Разорившийся предприниматель.

Глава 2

Мы сели в вагон метро и проехали несколько станций, приковывая пугливые взгляды всех зевак.

– Всегда они так смотрят? – Спросил я своего напарника.

– Ещё как, – ответил он. – Некоторые даже плюют и ругаются за спиной, но никто не решается ударить.

– Почему?

– Мы их быстро вычисляем и накладываем санкции на их кредиты, что вскоре приводит их, ко встрече с нами лично.

– А те у кого нет кредитов?

– Их единицы и рано или поздно они вынуждены будут взять кредит. Зачем портить себе репутацию перед банком?

– Логично.

Мы подъехали на нашу станцию. Было очень темно, на всей станции горело всего несколько лампочек. Плитка, которая так сияла на станции, где мы сели, здесь вовсе отсутствовала, её просто разворовали. Не было ни скамеек, ни даже урн, всё было загажено мусором и имело характерный запах. Направляясь к выходу мы наткнулись на несколько бездомных с ребёнком на руках, они сидели у края ступенек. Мой напарник достал из кармана несколько монет и отдал им, чем вызвал неповторимое удивление.

– У тебя есть деньги!?! – спросил я.

– Да, – ответил он. – Я погасил свои кредиты, даже самые

мелкие, теперь зарплату получаю деньгами.

– Это же не выгодно!

– Да, – печально ответил он. – Но я в этом плане довольно консервативный.

– А как на это смотрит банк?

– Злятся конечно, провоцируют, но пока деньги не запретили, поделаться ничего не могут.

Тем временем мы уже вышли на одну из узких улиц. Но узких не потому что они так устроены, а потому что загажены мусором. Машины здесь почти не ходят. Район никак не обслуживается, все здания в аварийном состоянии и не в каждом из них есть свет и вода. О таких районах вспоминают только тогда, когда основному району (то есть центральному) надо расширяться. Между центральным, то есть элитным и бедными районами была небольшая прослойка, районов среднего класса. Они были настолько незначительны, что существовали скорее как формальность, такая тонкая стена между бедными и богатыми. Людей среднего класса, я лично никогда не встречал, хоть это и не значит, что их не существует.

В бедных районах живёт почти девяносто процентов населения, но несмотря на этот факт, прохожих тут маловато. За исключением конечно повсюду лежащих бездомных.

Самое приятное что было здесь, это реклама. Яркая, красочная, она украшала почти все разваливающейся фасады домов и предлагала, самый различный спектр услуг и това-

ров. Как бы настойчиво выманивали оставшийся, копейки и у без того, беднейшего населения.

– Так что говоришь, нам предстоит сделать? – Спросил я его.

– Нам надо что бы Альберт, любой ценой подписал эти бумаги, – сказал он и достал из внутреннего кармана пару листов.

На бумагах было много лишнего текста. Его было тяжело читать и он путал тебя буквально после пары предложений, но во главе этой ахинеи было написано: «Договор о уплате долга», как негласная заповедь нашей экономики.

– Читать там нечего, – отвлѣк меня мой напарник. – Это довольно рядовой случай. Какой-то умник захотел открыть свой бизнес и естественно провалился.

– Так где же он живѣт?

– Вот в этом доме, – ответил он и указал на старенький однотипный дом.

В доме не было двери в подъезде. А сама лестничная клетка была без перил и через одну ступеньку. Казалось вот вот, наступишь, и всё развалится.

Мы кое как забрались на третий этаж, нашли его квартиру и стали усердно стучать. Через пару минут нам послышался шорох, а затем мы услышали ответ:

– Кто там?

– Это работники банка, – ответил мой напарник.

– Что вам нужно? – Уже дрожащим голосом спросил он.

– Мы по поводу неуплаты долга.

– Я внесу плату, не беспокойтесь. Я внесу её буквально сегодня вечером.

Мой напарник глубоко вздохнул, повернулся ко мне и сказал:

– Не люблю когда они не открывают.

Он отошёл на шаг назад, и с размаху ударил ногой по слабому замочку. Дверь тут же отворилась и снесла стоящего за дверью небольшого человека. Это был мужчина лет сорока, в меру упитанный и довольно маленького роста. На глазах у него были очки, которые от удара немного слетели на лоб. Он быстро поправил их, оглядел нас, резко встал, поправил халат и не успев ничего сказать получил кулаком в нос от моего напарника. Его прижало к стене, а из носа потекла кровь.

– Что же? Что же вы делаете? – Сквозь выступившие слёзы говорил он.

Мой напарник взял его за шкурку и вывел его в единственную маленькую комнату с рабочим столиком. Он усадил его за стол и положил перед ним бумаги.

– Подписывай! – Крикнул мой напарник.

– Я не буду, – сквозь слёзы и кровь, мямлил он. – Это всё что у меня осталось.

Оглядев комнату я понял что он был торговцем часами. Вся комната была ими усеяна, причём абсолютно разными, а на столе кучей лежали ещё не собранные экземпляры.

– Тебя предупреждали уже несколько раз, – сказал мой

напарник.

– Это не правда! – Возразил он, в надежде на своё спасение. – Я вижу вас впервые, и слышу об этом впервые.

– Не имеет значение, – сказал мой напарник. – Ты подпишешь это прямо сейчас.

– Прошу вас, – умоляюще сказал он. – Прошу, дайте мне время до вечера, мой продавец должен принести мне выручку за этот день. Я только недавно распрощался с женой. Я же честно платил банку полгода. Мои дела шли хорошо, пока мне не повысили аренду! А теперь и вовсе ограничились поставки! Всё против меня! Мне приходится теперь самому собирать эти часы. Мой магазин пустует! Мой напарник должен принести мне выручку за сегодня! Прошу вас, подождите его немного и я вам всё отдам.

– Ты не понял мужик, – сказал мой напарник. – Мы пришли не за деньгами, а затем, что у тебя осталось.

– Но как же... – Растерянно мямлил он. – Мне надо выплатить кредит за квартиру. Мне нужны лекарства, я серьёзно болен. Мне...

– Закрой рот! – Криком прервал его мой напарник и что есть силы ударил его по зубам. Альберт судорожно прикрикнул и со стонами выплюнул зуб. – Подписывай!

Слёзы потекли ещё сильнее.

– Прошу вас... – Промолвил Альберт.

Мой напарник замахнулся ещё раз, но удара не произошло. Альберт вытянул руки и одобрительно закричал:

– Хорошо! Хорошо!

После этого мой напарник вручил ему ручку и он как покорный, беззащитный щенок, подписал все документы. После чего, прорвался рыданием.

– Всего хорошего, – сказал мой напарник и мы направились к выходу, под меланхолический аккомпанемент, рыдания бедняги Альберта. – Видел как я ему с одного удара зуб выбил? – Уже выйдя из парадной, сказал мой напарник. – Для этого сноровка нужна, – добавил он и продемонстрировал траекторию своего удара. Раздосадованный увиденным, я лишь печальными глазами посмотрел на него и многозначительно промолчал. – Ну ничего, у тебя тоже получится, – утешил он меня.

Пройдя несколько кварталов молча, я всё же, чтобы не показаться слабаком, решил разрушить напряжённую тишину:

– Если его дважды предупреждали, почему он не погасил долг?

– А кто его предупреждал? – Усмехнувшись спросил мой напарник.

– А разве ты или банк его не предупредили?

– Формально, это должен был сделать я. Но у нас так не принято.

– То есть как это?

– Вот смотри, – сказал он и остановил меня. – Наша задача не помочь клиенту, не дать ему времени, не пойти на уступки. Наша задача сделать всё, чтобы забрать у него как можно

больше. Мы коллекторы, а не менеджеры. Ты меня понял?

Я кивнул и мы пошли дальше.

– А что банк будет делать с этим помещением? – Спросил я.

– Банк и так уже поимел с него денег за полгода аренды, кредита, который он почти погасил, а теперь у банка остался ещё и его товар.

– Он почти погасил кредит?

– Да, – ответил мой напарник. – Дела у него шли слишком хорошо, вот банк и спохватился. Закрыл ему поставки, увеличил аренду, типичная схема.

– У банка столько власти?

– Больше чем ты думаешь.

Глава 3

Мы снова отправились в банк. Мой напарник получил очередное дело.

– Повезло, – сказал он. – Тут недалеко.

– В центральном районе? – Спросил я.

– Да, – сказал он. – Это зелёные дела.

Как позже объяснил мне напарник, дела делятся на три типа: зелёные, красные и синие. Суть проста. По сути это те же районы. Зелёные, это центральный район, они хоть и редки, но бывают. При зелёных делах, руки марать не надо, людей в зелёных делах, в основном, трогать нельзя. Красные дела, это чёрная работа, их много, они попадают к всем и касаются зачастую людей из бедных районов. И синие, рассчитанные на людей из средних кварталов, но моему напарнику редко попадались такие, это конечно же не значит что их нет. Цвета этих дел могут постоянно перемешиваться. Бывают красные дела, для центральных районов, бывают синие для бедных и даже зелёные для бедных. Такое было в прошлом году, когда один известный политик, поехал головой и переехал жить в бедный квартал, попутно неся бред про коррупцию и разложения общества. Его быстро и аккуратно выловили, напичкали таблетками, превратили в овоща и снова поставили на пост. Правда пробыл он на нём не долго.

Для каждого цвета, существуют свои правила. Если

с красным я ознакомился. То в зелёном было куда больше правил. Мы должны были представиться, зачитать договор, потребовать подпись и так далее. Всё это нужно было делать, вежливо. Когда я уяснил все правила, мы подобрались к огромному шикарному зданию.

– Он живёт на последнем этаже, – сказал мой напарник. – И помни, нам надо его только предупредить.

Я кивнул головой и мы направились в лифт, довольно комфортный, который быстро отправил нас на последний этаж.

Мы постучались в дверь и через пару минут услышали детский голос.

– Кто там? – Спросил этот тонкий голосок.

– Позови пожалуйста кого-то из взрослых.

Через пару секунд прозвучал женский, более басистый голос.

– Кто вы такие и что вам надо? – спросила она.

– Мы из центрального банка. Нам нужно поговорить с мистером Тимом Редли.

– Это мой отец, – сказала она. – Сейчас я его позову.

Через минуту дверь открылась. Пред нам пристал хорошо выглядящий, апряный, гражданин. Он бы высоким и стройным. На нём был шикарный халат, очки, а в руках была дорогая сигара.

– Вы из банка? – Спросил он.

– Да сэр... – Хотел начать мой напарник.

– Не переживайте, я давно вас уже жду.

– Эм, – замешкался мой напарник. – Мы должны вам зачитать...

– Оставьте это, – перебил он. – Пройдите лучше в гостиную.

Он распахнул двери и мы увидели двух девочек. По видимому его дочерей. Одной было на вид лет шестнадцать, а другой пять или шесть.

– Линдси, – обратился Том к той что постарше. – Налей гостям чаю.

Мы пошли все на кухню. Уселись за стол. Нам подали чай. После чего, мой напарник достал бумаги и сказал:

– Вам надо расписаться вот здесь, это...

– Я знаю, знаю – снова перебил он. – Позвольте мне отлучиться за ручкой.

– Конечно, – согласился мой напарник.

– А вы отправляйтесь в свои комнаты, – сказал Том, дочерям.

Все трое вышли из гостиной, оставив нас наедине с чаем.

– Вот поэтому я люблю зелёные дела, – сказал мой напарник. – Никаких возражений, всё тихо, спокойно, вежливо, ничего особо объяснять не надо, даже угощают.

– Какая же у него шикарная квартира, – подметил я.

– Это да, – сказал напарник. – Приятно здесь находиться.

– Как думаешь? Что от него хочет банк?

– Скорее всего он стал кому-то не удобен и банк медленно,

но верно спускает его по карьерной лестнице.

– Это как?

– Ну вот захотел начальник, поставить на его место какого-то своего приближённого родственника. Увольнять людей, это тот ещё геморрой, а просто так понизить в должности нельзя. Вот банк и повышает ему кредитную ставку, грузит его работой, вообще всячески пытается его удалить.

– И как они выпутываются?

– В большинстве своих случаев, никак. Ему повезёт, если банк ему предложит сделку.

– Какую сделку?

– Добровольное понижение в должности и молчание, взамен на дальнейшее сотрудничество.

– Это ещё справедливо.

– Это да, – подтвердил мой напарник. – Да где он там?

Мы уже допили чай и стали волноваться куда он пропал.

Из квартиры никто не выходил, дверь выхода мы видели.

– Томас? Вы где? – Окликнул его мой напарник.

Из комнат вышли его дочери.

– Где ваш отец? – спросил мой напарник.

– Синди, иди позови папу – сказала старшенькая младшей, та тут же убежала в отцовский кабинет. – Вам налить ещё чаю?

– Нет, – ответил напарник. – Спасибо.

– Папа! Где папа!?! – Послышался голос из комнаты.

Мы тут же выскочили из-за стола и вбежали в его кабинет.

В кабинете было открыто окно, а посреди комнаты стояла маленькая девочка.

– Папа! Где папа!?! – кричала она вся в слезах. – Я же знаю, он не уходил отсюда!

Старшая дочь, тут же схватила её и прижала к себе, пытаюсь успокоить её крики. Мы подбежали к окну. На асфальте лежал Том.

– Вот блин, – сказал мой напарник, достал рацию и прозвонил. – Код 5018, нужна зачистка, повторяю, нужна зачистка, тут самоубийца.

– О боже... – Вырвалось у старшей дочери, она уже была вся в слезах, но по прежнему пыталась успокоить плачущую девочку.

Мой напарник подошёл к ним, старшая привстала, а младшая прижалась к её коленям.

– Сколько тебе лет? – Спросил мой напарник у старшей.

– Семнадцать.

– Если выживешь, через год, мы тебя найдём...

Она кивнула, мы вышли из квартиры и сели в лифт.

– Они никогда не выдерживают, – сказал мой напарник.

– Кто?

– Богатые. Вечно кончают с собой. Обычно конечно не так сразу.

Вид у моего напарника был удручающий. Впрочем, как и у меня.

– Что с ними будет дальше?

– Ничего хорошего, – глубоко вздохнув ответил он. – Счета их заморозят, квартиру отберут за долги. Их выкинут на улицу, затем в бедный квартал, если они там смогут выжить, придём мы и заберём у них последнее...

Лифт остановился.

Глава 4

– Давай выпьем кофе, – предложил мне мой напарник когда мы уже были в городе. Он был по прежнему раздосадован.

Я кивнул головой и мы зашли в ближайшее кафе. Нам подали кофе, оно было пресным. Такие кафе не имели права, делать хоть какой либо приемлемый кофе. Хороший кофе можно было достать только в элитных ресторанах. Даже просто купить его и приготовить нельзя было, обычным людям хороший кофе не продают. Да и зачем продавать, если можно приготовить и продать в сотни раз дороже себестоимости. Такая политика была везде: если где-то можно заработать денег, сделай это по максимуму.

– Почему ты занялся этой работёнкой? – Спросил я своего напарника.

– Жизнь принудила, – угрюмо ответил он.

– Всегда здесь так жестоко?

– Частенько. Это издержки профессии, никто об этом не говорит, но все всё понимают.

– Мой отец говорил, что это безумие началось с мало...

– Да какая разница! Все только и говорят как о том: «как раньше было лучше». А меня знаешь достало! Мы живём сейчас, понимаешь? Сейчас, не прошлым. Нам из-за дня в день приходится выживать, так было когда я родился и так

происходит по сей день. Не было счастливого прошлого, оно давно умерло и осталось только в памяти людей. Я читаю газеты изо дня в день и там нет разговоров о прошлом, там нет другого мира, который я вижу каждый день, там всё хорошо. Так пусть так и остаётся. Если такая жизнь это норма, то с чем мы можем спорить? Мы даже не знаем других вариантов. Кроме тех фантазий, что рассказывали наши отцы.

После минуты молчания, я спросил:

– Думаешь то, что рассказывали наши отцы это ложь?

– Не знаю. Но если мир был другим, то почему он до сих пор не такой? Почему раньше были счастливы все, а теперь только единицы? Если мир был таким прекрасным, то кто его сломал? И почему этого, «кого-то» не остановили?

– А почему сегодня никто это не пытается остановить?

– Потому что всё нормально. Потому что так было всегда.

– Не знаю как ты, но я хотел бы видеть этот мир другим.

– Мир другим не будет, либо ты с ним, либо тебя в этом мире не будет.

– Но...

– Хватит! – Прикрикнул он на меня. – Меня уже достали эти разговоры...

Он встал и мы вышли из кафе.

Следующие наше дело было так же из бедного района. Деталей в нём особо не было, так что мы напрямиком направились туда. Пройдя снова груды мусора, мы добрались до елестоящего дома, в одном из жилых кварталов. Дом был двух-

этажный, хотя на втором этаже, явно никто не жил, крыша была пробита, а окна, без стёкол, были завалены каким то хламом.

– Покончим с этим, – буркнул мой напарник.

Мы постучали в дверь, нам никто не отвечал. Через минут десять, появился какой-то, шорох, затем равномерный стук. Дверь немного приоткрылась, из щели послышался голос.

– Кто это? Что вам нужно? – Голос был охрипший, мы с напарником переглянулись, мы оба поняли, что это был пожилой человек.

– Мы из банка, – угрюмо ответил мой напарник. – Нам нужен Рональд...

– Это я, – резко ответил старик.

– Нам нужно чтоб вы кое-где расписались.

– Идите вон, – прикрикнул он. – Я ничего не подпишу.

Мой напарник, немного разогнался и вышиб дверь, запертую на небольшой дряблой цепочке. Старик с треском отлетел от неё и упал на пол. Худощавый, малоподвижный, небольшого роста, он лежал на полу, а рядом с ним лежала его трость, он пытался ухватить её и как-то привстать. Пока он вставал, он не переставая кричал на нас:

– Труссы, труссы! Бедного старика не могут оставить в покое! Я уже всё вам отдал! Всё! И жизнь свою. И сына... Мой бедный мальчик. Изверги!

На его глазах выступили слёзы. После тщетных попыток встать он прополз, на четвереньках, медленно по коридо-

ру несколько метров, нащупал стул, кое-как приподнялся и уселся на него.

– В деле сказано семейный долг, – подметил мой напарник. – Не думал, что от сына к отцу.

– Нам нужно чтоб вы здесь расписались! – Прикрикнул я.

– Нет, – ответил он. – Ни за что! Дом я вам не отдам! Это мой дом и я хочу спокойно дожить в нём оставшийся дни.

– Нет старик, – спокойно и угрюмо ответил мой напарник. – Ты распишешься здесь и мы быстро с этим покончим.

– Это мой дом! Моя земля! Я сам его построил! Для своего сына! Но вы уроды, свели его в могилу, вы отняли у меня всё! И если думаете, что сможете забрать последнее, то вы ошибаетесь. Я буду защищаться до конца!

– Меня это достало, – сказал мой напарник и подошёл к нему.

Старик поднялся со стула на трясущихся ногах и сказал:

– Это всё на что вы способны! Нападать на слабых и беззащитных.

Он нанёс ему сильный удар. Вставная челюсть вылетела изо рта. Старик отлетел в глубь коридора. Я тут же попытался его образумить и оттащить. Но было поздно, мой напарник резко кинулся к нему и нанёс ещё пару ударов, после чего, отошёл сам. Старик захлёбывался кровью, его руки тряслись и искали трость. Но через минуту движения прекратились. Он умер.

Мой напарник встал и проверил пульс, глубоко вздохнул,

а затем молча вышел.

– Мы так и оставим его тут!?! – Кричал я ему вслед.
Он молчал... Я решил пойти за ним.

Глава 5

Он шёл впереди меня всю дорогу. На мои оклики он не обращал внимания. Так мы дошли до банка. Он зашёл в какую-то дверь и через несколько минут вышел.

– Наша смена кончена, – сказал он не поднимая глаза.

Мы молча отправились в раздевалку. Как только я переоделся и собрался попрощаться, он не оборачиваясь сказал:

– Может выпьем чего-то?

Я согласился и мы отправились в ближайший дешёвый бар. Я заказал себе пива, он виски.

– Поработаешь с десятков лет, тоже начнёшь брать виски.

– Возможно.

– Увидишь. Сколько тебе?

– Двадцать один.

– Я пришёл на эту работу к сорока годам.

– Так поздно?

– Да, – сказал он глубоко вздохнув. – Уже как пол года на пенсии.

– Почему не выходишь?

– Невозможно. Я проработал все годы строителем, обычным работягой, пенсия у них никакая. Все мои бывшие коллеги уже либо померли, либо доживают, сводя концы с концами в бедных кварталах. Думал заработать на этой треклятой работёнке, но всё тщетно. Если бы пришёл в твоём воз-

расте, то может что-то бы и склеилось.

– Власти не хотят нам чтоб мы выходили на пенсию, платят нам копейки. Но почему ты раньше не пришёл на эту работу?

– Была причина.

– Какая?

– Я ненавижу всю эту систему. Весь этот денежно-кредитный круговорот.

– Почему?

Он допил свой виски, заказал ещё один стакан, а затем продолжил.

– Моя мать... Она задолжала большие деньги банку после смерти отца. Как сейчас помню... Мне было семнадцать. Живой, здоровый, сытый. А она... – У него проступили слёзы. – Она была очень худой, впалые щёки, болезнетворный вид, она всё отдавала мне. Я конечно же был против, но она настаивала. Мы ждали моего восемнадцатилетия, чтобы я смог устроиться на работу. Тогда ещё был закон, о запрете устройства на работу несовершеннолетних. А она... Она была уже совсем не в силах что либо делать, работала по шестнадцать часов, не высыпалась, бывало даже приходя домой вырубалась от жуткой усталости прямо в коридоре. Я всегда относил её тихо в постель и укрывал... И как то раз, пришли они, сволочи как мы с тобой, стали требовать у неё ещё больше денег. Хотели забрать у неё всю её зарплату. Она долго плакала. До моего дня рождения оставалась девять ме-

сяцев. Я долго её успокаивал. Говорил, что мы выдержим, хоть и понимал, что начини я зарабатывать, они заберут всё и у меня. Когда она уснула, расплакался уже я. На следующий день, она пришла с работы и дала мне большую по тем временам сумму денег. Сказала купить продуктов. Накатила целый список, там было всё: ветчина, кофе, молоко, шоколад и так далее. Я такой еды с детства не видел. Она сказала, что ей прибавили зарплату, стали платить больше, что теперь мы заживём лучше, как прежде. Я на радостях побежал в магазин, купил всё что нужно, даже ещё деньги остались. Какой же я был дурак... Придя домой, я увидел её мёртвой в ванне... А возле неё записка: «Сынок, успокойся, выпей кофе, хорошо поешь, а когда соберёшься с силами, спрячь моё тело, скажи что я пропала, ушла и не вернулась. Не злись на меня. Всё это ради тебя, ради твоей счастливой жизни. Я надеюсь у тебя всё получится и ты выкарабкаешься. С любовью, мама.» – Он расплакался ещё сильнее. – Я сделал всё как она сказала. Тогда ещё не было закона, о пропавших без вести и весь долг сошёл мне с рук. Восемь месяцев я бродил по приютам, тоскуя по ней, а затем прошёл в строители и кое-как жизнь пошла своим чередом.

– Это ужасно, – сказал я со слезами на глазах. – Но всё же не стоит так переживать.

– Да я только и делаю, что не переживаю. Изо дня в день, из года в год, я смотрю на это безумие и ловлю себя на мысли, что так и должно быть. Что так было всегда, что не нет другой

жизни кроме этой. Жизнь человека – это всего лишь галочка в документе. В этом мире всё так.

– Не бери в голову, – сказал я. – Давай лучше напьёмся и пойдём по домам.

Он кивнул головой и мы продолжили вечер как ни в чём не бывало.

Но к сожалению на работу, он пришёл уже другим. Коллеги по работе объяснили мне, что так бывает с каждым, после первого убийства. О том что он убил старика, узнали уже все. Он приходил то в чересчур радостном, то в сильно грустным. Даже мой перевод к другому напарнику ему не помог и через пару месяцев, он уволился.

Через двенадцать лет работы я свыкнулся с происходящим, пока в один прекрасный день мне не пришло дело с его именем. Он жил в бедном районе, но не в самом плохом доме. Правила нашего поведения сильно ужесточились, теперь мы были хладнокровными машинами для убийства. Я постучал в его дверь. Передо мной оказался худой и сутулый старик.

– Не думал, что именно ты за мной придёшь – сказал он.

– Я тоже надеялся на это...

– Ну что же. Показывай, чему научился.

Я бы мог описать что я с ним сделал. Но какой смысл? Такое ведь происходит везде и всюду. Пока кровь, льётся из всех щелей.

Исследование одного безумия

День 1

И так... Допустим. Это не первый день. Я не знаю какой это день по счёту, но окрестим его первым. Я даже не понимаю как конкретно считать дни. Для меня это цикл из трех приёмов пищи и одной тёмной ночи. Хотя не факт что это ночь – это лишь то время когда выключают свет. Я даже в целом не имею полного понятия, что такое день. Но в моей голове это всплывает как цикл чего не будь. Я не знаю сколько точно дней прошло, но я имею твёрдое ощущение, что я кое что забыл. Не могу понять правда что именно.

Итак, начнём с изучения всего вокруг. Я нахожусь в конструкции из четырёх стен, пола и потолка. Полагаю это комната. Но возможно это и коробка, или даже шкатулка или всё то, что имеет подобную конструкцию. Я понятия не имею как я здесь оказался и как сюда попал. Передо мной, строе-ние похожее на какую то мебель. Однако я твёрдо не понимаю какую. Скорее всего это некоторая подставка для моей пишущей машинки. А для того чтобы мне было ей удобно пользоваться, я сижу на стуле. Хоть я и понятия не имею, откуда я знаю что это именно стул. Может это тоже подставка для моей машинки? Но исходя из этого, чтобы ей пользо-

ваться, мне придётся сидеть на столе, а это жутко неудобно. Вообще над этим надо ещё подумать.

Позади меня есть кровать. Вы наверное спросите как я понял что это кровать? Она мягкая и на ней удобно спать – это элементарно.

Но сплю ли я вообще? Я ложусь на неё как только гаснет свет, а встаю, как только он зажигается. С учётом того что я не вижу ничего, что происходит в этой комнате, а снится мне только либо темнота, либо эта комната, если же вообще мне это снится, и что вообще такое сон? И сплю ли я вообще? И сколько сейчас времени!?

Но что такое время? В моей голове это всплывает как цикл. Но цикл чего? Если у меня три приёма пищи до того как погаснет свет, значит единиц цикла всего лишь три. Первый у меня уже был, значит скоро будет и второй.

И так, я разобрался с циклами, а ещё с обстановкой. Но кто я такой? На ум напрашивается то, что я человек. Я знаю всё о людях. О их привычках, навыках, традициях, законов и обычаях. Но существуют ли они? В моей комнате нет окон. Людей я никогда не видел. Что-то или кто-то подаёт мне еду каждый день через узкое отверстие. Может это и есть окно? Но наличие подачи еды, не доказывает наличие человечества, а ещё и того, что я человек. Могу ли я быть животным? Думаю нет, ведь я умею писать. Не знаю умею ли я читать? И то что я делаю, можно ли вообще назвать писательством? А если я и вправду сейчас пишу, то для кого

и зачем? Но это наверное не столь важно раз уж я это начал делать. И я в точности уверен что никакое животное на свете не умеет такого делать. Или же просто не хочет этого делать. Тот факт, что животные не умеют писать был выдуман людьми, под натиском того, что они никогда не видели как пишут животные. Но если я никогда не видел как пишут животные и имею мнение: что они не умеют этого делать, логично подумать, что я человек.

Да, я однозначно человек. У меня же есть руки и ноги. Такого у животных нет. Мне кажется надо было с этого и начать и я бы сэкономил время. У меня было бы больше времени чтобы писать. Но что писать?

Кажется я куда-то ушёл. Продолжим: я человек и это факт. У меня есть руки, ноги и некоторое подобие сознания. Но существует ли человечество? Мне кажется безумным тот факт что я знаю всё о людях, будучи не видя их не разу. Да, кто-то или что-то подаёт мне еду, но я искренне не знаю человек ли это. Это может быть обученное животное. Но кто его обучил если не человек? Это также может быть специальная машина. Но кто её построил, если не человек. Может эту машину построило обученное животное? Но кто тогда обучил это животное строить, такого рода машины? Другая машина? Нет, это парадокс. Ошибка. Если есть ошибка, значит её следствием является человек. Природа, ошибок не допускает, допускает их лишь человек. Моё существование порождает ошибки в природе и так как моё существо-

вание кто-то поддерживает, то подозреваю, что это такая же ошибка как и я. Соответственно это дело рук другого человека. Но можем ли мы считаться человечеством если нас двое? И живой ли этот человек вообще. Возможно он построил машину или обучил животное, а сам давно погиб? Хотя откуда мне знать о смерти, я никогда её не видел и не переживал?

P.S «Я конечно мог бы спросить, кого-то или что-то, что подаёт мне еду, но я не в курсе, умею ли я вообще говорить.»

И так. С человечеством неразбериха. Если оно есть, то я лишь запертый в коробке (или комнате, или шкапулке) человек. Но если же его нет, то могу ли я вообще считаться человеком. Возможно я единственный в своём роде человек, а возможно я человек, который себя, человеком не считает и поэтому заперся здесь. Но как я мог здесь запереться, если я всегда был здесь?

Так много теорий... Как вообще человек, понимает что он человек? Может из-за того, что он что-то забыл? Я вот однозначно что то забыл.

Кто то постучал в дверь. Странно... Здесь всегда была дверь?

0Йцукенгшщзхъфывапролджэячсмить

% : ? * () - _ + столстол деньДень

ДЕНЬ **ДЕНЬ**, День. День:

Стол **стул**, **кровать**, **машинка**,

книга, **дверь**. **Дверь** **ДВЕРЬ**

День: Библия

Я не помню какой вчера был день. Как в принципе и не помню какой день сегодня. Но я окрестил вчерашний день как: «день библии». Почему день библии? Потому что всё что я помню из вчерашнего дня, это библию. Я как обычно существовал никому не мешал, пытался кое-что вспомнить, но тут мне в голову пришла мысль: а что если у меня вообще нет памяти. Я не помню как я попал сюда, зачем я здесь нахожусь и что вообще происходит. Но конечно. Я усердно пытаюсь в этом разобраться. Так есть ли у меня память?

Думаю да. Потому что на моём столе вчера, одиноко лежала библия. Откуда я узнал что это библия? На ней было так написано. Благо я умел читать. Но возможно я умел читать только одно слово. Потому что я не помню, читал ли я, собственно, содержание этой книги? Я знал лишь то, что я знаю её наизусть. Я знаю о библии всё. Я могу вспомнить каждое слово, в каком оно предложении, в каком абзаце, на какой странице и т. д. Я могу её пересказать от начала до конца. Я уже так делал.

Так значит, память у меня есть. И память как по мне отличная. Но тем не менее я что-то забыл. Чего-то мне постоянно не хватало. Может моя память запоминает не то, что мне нужно? А может то что я не помню, мне и не так уж

и необходимо?

Вчера кстати мне стучали в дверь, а затем оттуда мне подали еду. Не помню стучали ли в эту дверь сегодня и есть ли сегодня эта дверь вообще. Но вчера мне показалось это интересным, хоть я и не помню почему. Если каждый день, коих было много (или мало) мне перед подачей еды стучат в дверь, тогда меня это волновать не должно и стук этот, я бы и не заметил или не обратил на него внимания. Странно. Но более странно то, что сейчас на столе библии нет. Возможно её и не было... Я ведь её не читал. Я просто наизусть знаю её содержание. Можно ли судить о существовании книги не видя её содержания? Ведь не видя её содержания можно предположить, что его вовсе и нет. Тогда выходит, что это лишь кучка пустых страниц, с названием «библия» и точно не книга. Но даже этого куска макулатуры здесь нет. Вообще я в жутком заблуждении. Я не уверен ни в этой так называемой «библии», не в её авторе. Кто её вообще написал? Я знаю книгу наизусть, но так и не понял кто автор. Запутанно как-то там всё, хотя и довольно логично: если автора этой книги никто не видел, значит и содержания у этой «библии» нет. Поэтому я и не мог это содержание прочесть. Хотя откуда я всё же настолько подробно знаю содержание этой книги, если его не существует? Может я и есть потерянный автор этой книги? А содержание этой книги я выдумал? Это довольно логично, меня, как и автора этой книги, так же никто не видел. По крайней мере я никого не видел. Я даже не вижу этой

книги, которой вообще то и нет.

Получается я всё это выдумал. Может мне стоит об этом написать?

Паранойя

За мною постоянно кто-то следит. Вы спросите кто? Понятия не имею. Но я сильно хочу в этом разобраться. По идее это человек. Или то что на меня похоже. Или то на что похож я. Это похоже на некое состояние эфира. Ну откуда я знаю что он за мною следит? Этого я к сожалению вспомнить не могу. Как и то, откуда он за мной следит. Камер здесь нет. Окон тоже. Есть одна дверь с отверстием для еды. Но следить оттуда было бы проблематично. Может он следит за мною ночью, пока я сплю? Если я вообще сплю... Я забыл когда я спал последний раз. Если вообще спал когда-то... Но в любом случае ночью, когда выключают свет, я ничего не вижу. Таким образом, будь я наблюдателем, я бы ничего не увидел, а так же моя жертва была бы максимально не активна в этот момент. Но всё же я чувствую, что за мною следят и ночью. Может за мною следят сами стены?

Паранойя заводит меня в тупик. Я не могу есть и пить. Я сильно похудел. Наверное... Меня всё обескураживает, мне кажется что я играю по чьим-то сценариям. Я всё время хочу застать его врасплох, но каждый раз наталкиваюсь на мысль, что возможно, он от меня этого и хочет. Это чем то напоминает фатализм, но я до конца не уверен, что существа, что следит за мной не существует. Конечно же я его не видел, не слышал, не ощущал его запаха, но у меня есть желе-

зобетонный аргумент: я его чувствую. Да, пусть и чувствую как врага, который не даёт мне покоя, но всё же чувствую. Не стоит отрицать конечно, что это и игры моего разума, но и в своём разуме я сильно не уверен.

Возле меня лежит книга. На краю стола. Я забыл откуда она там взялась. Но я постоянно что-то забываю. Я также забыл её название и кто её написал. Но точно помню что читал её. Правда и не помню о чём она. Может стоит её перечитать?

День: безумие

Кто знает что такое безумие? Кто сможет дать этому точное определение? Наверное только тот кто этим безумием обладает. Но как понять, безумен ли человек? Как признать в себе своё безумие? Да и что будет этим безумием? Отличие от других людей? Или безумие это когда человек задаёт себе слишком много неудобных вопросов?

Я понятия не имею безумен ли я. Природа вещей окружающих меня, мне довольно ясна. Но делает ли это меня вменяемым? Возможно нормальным человеком считается тот кто действует по определённым правилам и нравственным законам. Заметьте, я не говорю законам конституции, безумный человек может их не нарушать, но иные, нравственные законы, вполне. Хотя кто устанавливает эти законы непонятно. С одной стороны, возможно, это старшее поколение. С другой же, религия. Хотя религия скорее лежит в фундаменте, самой нравственности, хоть из поколения в поколение, менее релевантна. Я понятия не имею о природе своих умозаключений. Безумие ли это или нет, я тоже не особо понимаю. Может, в прошлой жизни я был мыслителем, в той жизни до того как попал в эту комнату, а может это одна и та же жизнь? Но я особо не в курсе о происходящем и мне это вовсе не интересно. Я сижу с пишущей машинкой, заваленный напрочь прописанными листами и где то в этих

листах есть то, что мне нужно, то что я давно забыл, то что я давно ищущу, но абсолютно не понимаю что именно. Может это безумие? Постоянные поиски пустоты? Поиски истины? Поиски мёртвого? Лично я предпочитаю думать, что безумие, это отсутствие поиска. Всем нам дана одна жизнь, один шанс на то чтобы во всём разобраться, но мы всё это растрчиваем на жалкие попытки доказать кому-то, что мы чего-то стоим. Это похоже на лестницу по которой мы усердно стараемся забраться, а она тем временем безостановочно падает в бездну и как бы высоко ты не поднялся, ты всё равно окажешься на дне. Может это безумие?

Дилемма

Сегодня передо мною встала дилемма, почва которой, мне абсолютно непонятна. Но это вполне нормально. Во моей голове то и дело постоянно всплывают какие-то мысли или дилеммы. Возможно почва у них и есть, но я пока не разобрался где она. Да и мне, честно говоря, и не особо интересно.

Дилемма состоит в выборе. С одной стороны, в конце концов, я должен обрести счастье. Нормальную жизнь, точнее то, что большинство считает нормальной. Закрыться от всех забот, погрузиться в бытие социума, разделить свою жизнь на до и после. Проще говоря обрести так называемую «свободу». Хотя я никогда в жизни не считал это свободой. Это всего лишь следование удобным ценностям, навязанные тебе обществом и самой природой. И это не оскорбление, я бы искренне хотел кого-то обидеть называя его жизнь тривиальной, бессмысленной и шаблонной, но не исключено, что я просто завидую. Люди которые выбрали максимально компромиссную жизнь обречены на счастье. Им не познать глубину мира, таинства вселенной, природы вещей, они не будут бороться с системой, искать истину, ставить под вопрос само существование, осуждать религию и улавливать тонкости искусства. Но им это вовсе не нужно и в этом куда больше философии. Они уже давно обрели, то самое, неуловимое творцами счастье. И как бы высоко ты не лез, истина, порой,

под ногами.

Но это же конечно не повод забираться выше. Может истина не одна? Даже если она настолько не уловима, повод ли это не стремиться к ней? Да, на это можно потратить всю жизнь, но чего стоит одна жизнь? Это кстати вторая часть моей дилеммы. В которой, как заведено жанрам, я должен остаться здесь и целью своей жизни докопаться до сути. И скорее всего я умру в нищете своих мыслей, забитый в углу логических тупиков, так и не придя ни к чему существенному в вопросах, которые я сам себе поставил.

Если честно, я особо не понимаю имею ли право на выбор в этой дилемме? Я знаю только то, что в этой комнате есть только я и эта дилемма и мы оба не знаем как из этой комнаты выйти. Если бы я постоянно что-то не забывал, что-то не терял, может я бы и понял как отсюда выбраться, но пока что я здесь и мне необходимо подумать.

День: 7

Сегодня был довольно обычный день. Для меня... Не для вас. Хотя я и понятия не имею кто вы. Меня утешает мысль, что я это кому-то адресую. Хотя скорее всего это не так, ведь я так до сих пор никого и не видел, если это конечно настолько важно.

Сегодня у меня состоялся странный диалог, непонятно с кем или с чем. Суть была такая:

Кто то постучался в дверь:

– Эй, – сказал голос из-за двери. – Как у тебя дела?

– Не плохо, – ответил я. – Могу ли я узнать с кем я, собственно, говорю?

– Ты знаешь с кем ты говоришь.

«Действительно, – подумал я. – Зачем, собственно, надо было спрашивать?»

– Ты подумал, о том что я тебе сказал? – Спросил голос.

– Напомни мне пожалуйста.

Он глубоко вздохнул и сказал:

– Я спросил, не хочешь ли ты выйти отсюда?

– Очень заманчивое предложение. Надо будет подумать.

– Ты снова забудешь об этом.

– Я это обязательно запишу.

– Я уже это не раз слышал.

– Возможно. Но на этот раз я постараюсь не забыть.

– Друг, тебя все ждут. Ты должен сделать этот выбор. Я не открою эту дверь без тебя. Ты же помнишь, что было в прошлый раз?

– Нет, – ответил я. – Но я наверное это записал.

– Мы тебя ждём... Как надумаешь, постучи в дверь.

Интересно, про каких «Мы» он говорил? За дверью не только он? Или у него раздвоение личности?

Я запомнил этот диалог, но всё же что-то из него забыл. Наверное забыл что-то записать. Но может, если это вылетело из моей памяти, это и не столь важно?

День:0

Постучи в дверь

День:0

Надо постучать в дверь

День:0

Не забудь постучать в дверь.

День:0

Вспомни про дверь!

День:0

Тебе нужно выйти...

Как объявить людям что пришёл конец?

Он постучался в дверь. Было около двух часов ночи, никто не хотел открывать, но он долбил всё усерднее и его старания не прошли даром. Дверь приоткрылась и оттуда выглянуло сонное лицо.

– Здравствуйте, – сказал он и бесцеремонно вошёл в комнату. – Как хорошо что вы не спите, у меня к вам срочные новости.

– Здравствуйте, – ответил сонный голос. – Какая может быть срочность в такой поздний час?

– Естественная срочность. И более того, мы даже опаздываем. Это ваш шкаф, верно я полагаю?

– Опаздываем? Я ничего не пойму. Куда можно опаздывать в такое время?

– На работу, – ответил он хаотично роясь в шкафу, подбирая вещи.

– На работу? А это не может подождать до утра?

– Боюсь утра не будет.

– То есть как это не будет? Оно наступит через часа четыре.

– Формально, да, – сказал он и вручил, набор собранных вещей. – Но не для нас. Одевайтесь.

– Пойдите. Я никуда не пойду пока вы всё мне нормально не объясните.

– Что ж, если вы хотите тратить своё время на объяснения, то пожалуйста, – он поправил галстук, прохрипел горлом и произнёс: – Сегодня в четыре утра вам надо будет дать объявление на весь мир.

– На весь мир?

– Да, представляете себе, всё как вы и мечтали. Ваш голос услышит каждый житель планеты.

– Это очень большая честь для меня. И это уже случится через пару часов! Но... Но что я должен буду сказать?

– Что пришёл конец.

– Конец чего?

– Конец всего?

– То есть как?

– Очень просто. Случится ровно то, что все ожидали.

Пришёл конец.

– Но... Какая трагедия...

– Мыслите позитивно. Это рано или поздно должно было случиться. А теперь мы с вами удостоимся чести присутствовать на этом триумфальном моменте. Испокон веков человечество стремилось к этому. Религия, политика, экономика, прогресс – всё это были ступеньки на лестнице ведущей к обрыву. Понадобились тысячелетия, чтобы забраться на вершину, и вот, час настал!

– Я не могу в это поверить...

– Не верьте, представьте, что это сон. Но соберитесь пожалуйста быстрее.

– Выходит, что не будет ничего живого?

– Живого? Конечно нет. Жизнь возьмёт верх на этой планете, её даже станет гораздо больше. Не станет нас.

– Нас?

– Да, мой друг. Может на смену нам придут другие. Кто будет лучше нас. А вам предстоит закрыть главу этой эпохи!

– Но... Но... Как же... У меня сонный голос.

– Я думаю возражать уже никто не будет.

– Да не в этом дело. Неуважительно будет пред смертью, так не подготовится.

– Всё пройдёт хорошо, уверяю вас. Никто ещё не лажал со смертью, – он подошёл к телефону и вызвал такси. – Одевайтесь.

– Да-да, конечно. А... А текст... Как же текст, мне написали текст?

– Я не хотел будить наших редакторов, пусть отдохнут.

– То есть как? Что же мне сказать!?

– Что вам угодно. Желательно что-то красивое. Что бы вы хотели услышать перед смертью?

– То что захотел бы услышать я, могут не захотеть услышать остальные.

– В любом случае, импровизируйте. Вам всё равно уже после речи будет не до жалоб.

– Как ужасно... Как же ужасно...

Такси подъехало. Они быстро спустились. И через час уже были на радио вышке, где их ждал коллега. Они включили оборудование, настроили всё, проверили сигнал, промочили горло и они спокойно уселись за микрофоны.

– Господа, – сказал он дикторам. – Желаю вам удачи, надеюсь всё пройдёт прекрасно. А я отправлюсь на крышу. Хочу наблюдать за всем этим процессом с высоты, – он похлопал их по плечу и удалился.

– Приготовил речь?

– Нет. Я узнал обо всём только час назад, не могу до сих пор прийти в себя, после его прихода.

– Так он к тебе пришёл?

– Да.

– А мне просто позвонил, – он зажёл сигарету. – Ты будешь?

– Нет. Я не курю.

– Хотелось бы ответить, что правильно, но именно в этой ситуации, непонятно, что правильно, а что нет. Ладно, я объявлю о происшествии, а ты скажешь речь.

Он ответил лишь кивком головы. Первый диктор: строго, с чувством, с расстановкой объяснил, что произошло и что произойдёт. Он убрал руку с кнопки эфира, сделал последнюю тягу и подошёл к окну.

– Куда ты?

– Не пойми меня неправильно... Я просто не хочу стать жертвой именно этой игры, – он встал на оконную раму

и спрыгнул.

Второй диктор: медленно нажал на кнопку, включился эфир...

— ...

Он не проронил, ни слова...

Война идиолов

Макс и Билл шли по одинокой степной зоне, пробираясь сквозь заросли, ломая ветки под ногами. Макс был сильно ранен в районе печени и ключицы, Билл тащил его на себе. На их лагерь напали под вечер, без предупреждения, без сигнала, разбили весь их пост. Они так и не поняли кто напал на них, то ли это были Арабы, то ли Осетины, может Евреи, Русские, Американцы, возможно даже свои. Никто толком не знал в лагере с кем они воюют, новости уже давно никто не понимал, один заголовок противоречил другому, третий заголовок разоблачал первые два и так было повсюду. Они не знали кто остался в живых, их главной целью было добраться до безопасного места.

Когда они забрались на высокий холм, вдалеке стал виднеться огонёк.

– Ещё немного Макс! – сказал Билл.

– Я дотерплю... – Ответил Макс. Он потерял очень много крови, был сильно уставший, и тихо говорил.

Они шли ещё около нескольких часов, всё ближе подбираясь к яркому огоньку. И вот стоя в паре метров от него, Билла осветила яркая вывеска «МакДональдс».

На входе, за столиком сидела молодая парочка. Парень с девушкой.

– О, круто! – Выкрикнул парень. – Раненые солдаты! Я же

говорил тебе, что они здесь бывают.

– Да, – сказала девушка. – И правда они.

Они подбежали и парень спросил:

– Можно с вами сфоткаться!?

– Да, конечно, – ответил Билл. – Улыбнись Макс, – добавил он и немного приподнял друга.

Макс поднял окровавленное лицо и кое-как натянул улыбку. Парень с девушкой сделали пару кадров.

– Просто шикарно, – сказал парень. – Спасибо вам ребят!

– Рады вам служить! – Гордо ответил Билл.

Они пожали друг другу руки и Билл с Максом зашли внутрь МакДональдса.

– Здравствуйте господа! – Отозвалась кассир. – Меня зовут Джули, сегодня я вас обслуживаю!

– Здравствуйте, – сказал Билл. – Нам нужны медикаменты чтобы остановить кровь.

– Да, конечно, – сказала она и вбила в монитор заказов. – Вам нужны пинцеты, чтоб вытащить пули?

– Нет, спасибо, – Ответил Билл. – Пули прошли насквозь.

– Что-то ещё заказывать будете?

– Биг-мак, – вымолвил Макс.

– Да, конечно, – сказал Билл. – Два Биг-мака, картошку Фри и Колу. У вас продаются винтовки?

– Нет, – ответила она. – Но вы можете что-то выиграть из набора оружия в нашем новом Хэппи Мил.

– Тогда дайте два Хэппи Мил, – сказал Билл.

Она приняла заказ, выложила всё на поднос, Билл расплатился и они с Максом уселись за столик.

– Круто что меня ранили, – сказал Макс. – Ещё и дважды! Джона месяц назад тоже ранили, кучу лайков собрал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.